

КАНТЕМИР

<в сокращении>

...Русскую литературу начинают с Ломоносова,— и справедливо. Ломоносов действительно был основателем русской литературы. Как гениальный человек, он дал ей форму и направление, которые она надолго удержала. Каковы были эта форма и это направление — вопрос другой; дело в том, что дать форму и направление целой литературе мог только человек необыкновенный, но, несмотря на общее согласие в том, что русская литература начинается с Ломоносова, все начинают ее историю с Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемир и Тредьяковский не были основателями русской литературы, их труды некоторым образом были как бы предисловием к ее основанию. Оба они, особенно последний, брались за то, за что прежде всего должно было взяться; но оба они не имели достаточных средств для выполнения предлежавшего им дела. Впрочем, к Кантемиру это относится гораздо меньше, чем к Тредьяковскому. Кантемир не столько начинает собою историю русской *литературы*, сколько заканчивает период русской *письменности*. Кантемир писал так называемыми силлабическими стихами,— размером, который совершенно не свойствен русскому языку; но этот размер существовал на Руси задолго до Кантемира. Он зашел к нам из Польши чрез Малороссию в XVI столетии. Этим размером писали и Петр Могила, и Димитрий Ростовский, и Симеон По-

лоцкий; но их стихи были духовного содержания, не блестили поэзиею и отличались однажды навсегда принятою и неподвижною риторическою формою; Кантемир же *первый* начал писать стихи тем же силлабическим размером, но содержание, характер и цель его стихов были уже совсем другие, нежели у его предшественников на стихотворческом поприще. Кантемир начал собою историю светской русской литературы. Вот почему все, справедливо считая Ломоносова отцом русской литературы, в то же время не совсем без основания Кантемиром начинают ее историю. Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи. Этот человек по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свел поэзию с жизнью,— тогда как сам Ломоносов только развел их надолго. Поэзия Кантемира уже по тому одному, что она была сатирическою не могла быть риторическою. Не только при Кантемире, но и гораздо спустя после него, русская литература могла, если б поняла свое положение, смеяться и осмеивать, а между тем она больше восторгалась и надувалась. Впрочем, действительность-таки взяла свое,—и русская литература как-то сама собою, бессознательно разделилась на сатирическую и риторическую. Значительная часть сочинений Сумарокова в сатирическом роде,—и, несмотря на тупость и аляповатость сатирической музыки этого неутомимого писателя, стремившегося к всеобъемлемости и ничего не обнявшего, его нападки на подъячих не были бесполезны: если они не исправляли нравов, зато поддерживали в обществе сознание, что порок есть все-таки порок, хотя бы он был и неизбежным злом. Следовательно, благодаря, может быть, заслуге одной только литературы, у нас зло не смело называться добром, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамеренностью, как это всегда водилось и теперь водится, например, в Китае. И могло ли это быть у нас иначе, если сатирическое направление со времен Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы? Не говоря уже о Фонвизине, которого превосходный талант был по преимуществу сатирический,—сам Державин, который по духу своего времени риторическую превыспренность считал заодно с поэзиею,—заплатил большую дань сатире. И еще далеко не успел блестящий лирик века Екатерины допеть своих громозвучных од, как явился на Руси национальный баснописец—Крылов. Это сатирическое направление, столь важное и благодетельное, столь живое и действительное для общества, в котором так странно

боролась прививная европейская форма с азиатскою сущностью родной старины,—это сатирическое направление никогда не прекращалось в русской литературе, но только переродилось в *юмористическое*, как более глубокое в технологическом отношении и более родственное художественному характеру новейшей русской поэзии.

...В 1729 году написал Кантемир свою первую сатиру, следовательно, ровно за *десять* лет до первой оды Ломоносова («На взятие Хотина»), написанной новым размером. Это едва ли не лучшая из всех сатир Кантемира. Она была направлена против обскурантов (людей, одержимых болезнью мракобесия), врагов просвещения, словом, славянофилов того времени. В ней, как и во всех сатирах Кантемира, нет ни желчного негодования, ни бурного пафоса; но в ней много ума, много комической соли, и есть одушевление, тихое, ровное, но постоянно выдерживаемое. Кантемир не бичует, а только сечет обскурантов. Оно и естественно: сатира страстная, грозная, бешеная, вооруженная свитым из змей бичом, сатира в образе Немезиды, бросающей молнии из очей, с пеною у рта, такая сатира возможна только или у народа, который уже пережил самого себя, для которого уже нет ни выхода, ни будущего, или у народа, который еще полн свежих сил жизни, но уже сознал причины, которые удерживают его стремление на пути дальнейшего развития. Ни то, ни другое положение не могло относиться к России времен Кантемира. Прогресс, который тогда для нее был возможен, весь заключался больше в форме, нежели в духе, следовательно, был слишком внешен и потому не мог иметь слишком сильных и опасных врагов. Эти враги были больше смешны, нежели страшны, и для них нужен был не свистящий бич ювеналовской сатиры, а легкая лоза насмешки и иронии. И в этом отношении сатиры Кантемира были именно такими, какие тогда были нужны и могли быть полезны. Первая сатира, «На хулящих учение», особенно богата смешными чертами и верными снимками с общества того времени. Поэт делает обращение *к уму своему*, прося его не *понуждать его рук к перу*. Можно, говорит поэт, и не писавши, достичь славы: ведь в наш век к ней ведут многие пути; а из них самый трудный и невыгодный — тот, «что босы проклали девять сестр».

Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцветена мраморами саду;
Овцы не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе* надежда

* Поэт говорит о Петре Втором, которому тогда было четырнадцать лет. Он в детстве с особенною ревностью учился, а впоследствии подтвердил данные его предшественниками привилегии Академии наук и назначил ее членам и даже чиновникам постоянные оклады.

Всходит музам не мала; со стыдом невежда
Бежит его; Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно:
*Но та беда, многие в царе похваляют
За страх то, что в поданном дерзко осуждают.*

Как ловко выражена мысль двух последних стихов! За ними следует ряд картин тогдашнего общества, написанных мастерскою кистию. Поэт заставляет невежд под вымышленными именами говорить филиппики против просвещения. И каждый из этих антагонистов света божия высказывается сообразно своему характеру, и ни один из них не повторяет другого.

...Вторая сатира, «Филарет и Евгений», написанная месяца через два после первой, нападает «на зависть и гордость дворян злонравных». Это, впрочем, чуть ли не слабейшая из всех сатир Кантемира. В ней больше рассуждений, больше морали, нежели желчи. Впрочем, и в ней есть места замечательные. Вот, например, картина жизни фата, или льва того времени:

Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор; тогда войско вывели
На поле предки твои; а ты под парчою;
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно сопешь; когда дня пробегут две доли,
Зевнешь, растворишь глаза, выпишься до воли.
Тянешься уж час, другой, нежишься, ожидая
Пойла, что шлет Индия иль везут с Китая,
Из постели к зеркалу одним прыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину.
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам в колечки завиты
Свободно станет играть, часть уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жметя складно
В тесном башмаке твоя, пот со слуг валится.
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Древню взденешь потом на себя ты целу.

Дальнейшее описание облачения фата и в особенности слова сатирика насчет того, как хорошо воспользовался фат своим путешествием по Европе, чрезвычайно забавны, за исключением устарелого языка, слога и силлабического стихосложения. Пусть читатели сами поверят справедливость наших слов, прочтя эту сатиру всю, а мы выпишем из нее еще вот эти стихи:

Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменной душою,

Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
 Вместо правой левою (зверям лишь прилична
 Жадность крови; *плоть в слуге твоей одиночна*).
 Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
 Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
 И все законно он мнит, что уж истощенной
 Может дополнить мешок: нужды совершенной
 Стала ему золота куча, без которой
 Прохладам должен своим конец видеть скорой.

В этом отрывке есть стихи (не указываем на них: человеческое чувство читателя их угадает и без нас), которые могут служить торжественным и неопровержимым доказательством, что наша литература, даже в самом начале ее, была провозвестницей для общества всех благородных чувств, всех высоких понятий. Да, она умела не только льстить, но и выговаривать святыи истины о человеческом достоинстве. Самая лесть у ней была не столько убеждением, сколько, во-первых, подчинением всеми принятому обычаю, а во-вторых, риторическою манерою. До поэзии достигала она и у самого Державина только там, где он переставал быть поэтом в духе времени и становился просто человеком. Простим же ей — нашей старой литературе — ее грехи, вольные и невольные, и будем ей благодарны за то, что она, и только одна она, была воспитательницею юного, созданного Петром Великим общества, от Кантемира до наших времен. По мне, нет цены этим неуклюжим стихам умного, честного и доброго Кантемира:

. Лучшую дорогу
 Избрал, кто правду всегда говорить принялся;
 Но и кто правду молчит, виновен не стался,
 Буде ложью утаить правду не посмеет.
 Счастлив, кто средины той держаться умеет;
 Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
 Учтивость приличная, что дает род знатный.
Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь,

Адам дворян не родил, но одному сыну
 Жребий был копать сад, пасть другому скотину;
 Ной в ковчеге с собою спас все себе равных
 Простых земледельцев, нравами лишь славных:
 От них мы произошли, одни поране
 Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

Чтоб не возвращаться опять к одному и тому же предмету, выпишем теперь же из *шестой* сатиры стихи, в которых Кантемир казнит насмешкою добровольное унижение человеческого достоинства низкопоклонством и лестью:

С петухами пробудись, нужно потащиться
 Из дому в дом на поклон, в передних томиться —
 Полдни торчать на ногах с холопы в беседе,
 Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея. По обеде
 Та же жизнь до вечера, ночь вся беспокойно
 Пройдет, думая, к кому поутру пристойно

Еще бежать, перед кем гнуть шею и спину,
Что слуге в подарок, что понести господину.
Нужно часто поlying, небылице верить,
Что одною скорлупою можно море смерить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родом
Моложе Владимира одним только годом,
Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой;
Кривую жену его называть Венерой
И в шальных детях хвалить остроту природну;
Не зевать, когда он сам несет сумасбродну.
Нужно благодетелем звать того, другого,
От кого век не видал добра никакого.

Третья сатира, «К Феофану, епископу новгородскому», написанная в 1730 году, рассуждает о различии страстей человеческих. Тут осмеиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы, завистники и т. п. В *четвертой* сатире, написанной в 1731 году, Кантемир спрашивает свою музу, не пора ли им перестать писать сатиры?

Многим те не любы,
И ворчит уж не один, что где нет мне дела,
Там мешаюсь и кажу себя чересчур смела.

Ты, говорит он своей музе, смело хулишь и находишь свое веселие в том, чтобы бесить злых, «а я вижу, что в чужом пиру мне похмелье». Один, продолжает сатирик, хочет потянуть меня к суду, что, нападая на пьяниц, «умалю кружальные доходы»; другой, похваляясь, что от доски до доски прочел Библию острожской печати, убедился из нее, что «во мне нечистый дух злословит бороду»; третий сердится, что нападаю на взятки. Тогда сатирик, желая переменить грубый тон на вежливый, начинает иронически хвалить глупцов и негодяев; но это доводит его до сознания, что он не умеет и в шутку хвалить того, что считает дурным.

Когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, муза, твой нрав сломить стараюсь,—
Сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те не спелы,
Жестки, досадны ушам и на те походят,
Что по целой азбуке святых жития водят.*
Дух твой ленив, и в зубах вязнет твое слово
Не забавно, не красиво, не сильно, не ново;
А как в нравах вредно что усмотрю, умняе
Сам ставши, под пером стих течет скоряе;
Тогда стихотворцем сам себя поздравлю
И чтецов моих зевать тщетно не заставлю;
Проворен, весел спешу, как вождь на победу,
Или как поп с похорон к жирному обеду.

* Вот примечание из издания 1762 года на этот стих: «Некто, прозванием *Максимович*, стихами описал и по азбуке расположил жития святых печерских. Сия книга напечатана в Киеве в лист и пальца в два толщины; однако ж в ней, кроме имен святых и государя царевича Алексея Петровича, которому приписана, ничего путного не найдешь».

Кантемир заключает эту сатиру тем, что сатиры могут не нравиться только дурным людям и глупцам, на которых нечего смотреть:

Таким одним сатира наша быть противна
Может; да их нечего щадить, и не дивна
Мне любовь их, как и гнев их мне страшен мало.
Просить у них не хочу, с ними не пристало
Вестись, чтоб не почернеть, касаяся саж;и
Вредить не могут те мне, пока в сильной стражи
Нахожуся матери отечества правой.
А коим бог чистый дух дал и разум здравой,
Беззлобны, беззлобные наши стихи возлюбят
И охотно станут честь, надеясь, что сгубят,
Может быть, или уменьшат злые людей нравы.
Сколько тем придется им и пользы и славы!

В этих стихах — весь Кантемир! Этот человек не был поэтом; непосредственный художественный талант не был его уделом. Его поэзия — поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца. Кантемир в своих стихах — не поэт, а публицист, пишущий о нравах энергически и остроумно. Насмешка и ирония — вот в чем заключался талант Кантемира.

Пятая сатира, «Сатир и Перьерг», написанная в 1737 году, в Лондоне, устремлена на «человеческие злонравия вообще». Ее форма очень изысканна, и в целом она скучна; но подробности есть удивительные, как, например, это место:

Болваном Макар вчера казался народу,
Годеи лишь дрова рубить или таскать воду;
О безумии его худшая шла повесть,
Углем черным всяк пятнал его плоху совесть.
Улыбнулося тому ж счастье Макару,—
И сегодня временщик: уж он всем под пару
Честным, знатным, искусным людям становится,
Всяк уму наперерыв чудному дивится,
Сколько пользы от него царство ждать имеет.
Поправить взглядом одним все легко умеет,
Чем бывший глупец пред ним народ весь озлобил;
Бог в благополучие ваше его собил.

Заключение этой сатиры особенно забавно. Исчисляя разные человеческие глупости, сатирик говорит:

Пахарь соху ведучи иль оброк считая,
Не однажды привздохнет, слезы отирая:
За что де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богаты,
Знал бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правее бы нога моя не стояла.
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне б молоко, мне б куря носилась,
А то все приказнице, стряпнице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине.
Пришел набор, пахаря вписали в солдаты:
Не однажды дымные уж вспомнит палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,

Десятью заплачет в день по сером жупане,
 То ль не житье было мне, говорит, в крестьянстве?
 Правда, тогда не ходил я в таком убранстве;
 Да летом в подклете я, на печи зимою
 Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
 Заплачу подушное, оброк господину,
 Какую ж больше найду я тужить причину?
 Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома,
 Хлеба у меня чрез год, а скотам солома.
 Дальна езда мне была съездить в торг для соли
 Иль в праздник пойти в село, и то из доброй воли:
 А теперь — чорт, не житье, волочись по свету,
 Все бы рубашка бела, а вымыть чем нету;
 Ходи в штанах, возися за ружьем пострелым.
 И где до смерти всех бьют, надобно быть смелым.
 Ни выспаться некогда, часто нет что кушать;
 Наряжать мне все собой, а сотерых слушать.
 Чернец тот, кой день назад чрезмерну охоту
 Имел ходить в клобуке и всяку работу
 В церкви легку сказывал, прося со слезами,
 Чтоб и он с небесными в счете был чинами,—
 Сегодня не то поет; рад бы скинуть рясю,
 Скучили уж сухари, полетел бы к мясу:
 Рад бы к чорту в товарищи, лишь бы бельцом бытьи,
 Нет мочи уж ангелом в слабом теле бытьи.

Шестая сатира, написанная в 1738 году, рассуждает «о истинном блаженстве». Сатирик доказывает в ней, что истинное счастье заключается в благоразумной середине и в беседе с музами. *Седьмая* сатира, к князю Никите Юрьевичу Трубецкому, написанная в 1739 году в Париже, рассуждает «о воспитании». Эта сатира исполнена таких здравых, *гуманных* понятий о воспитании, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающие в брак предварительно заучивали ее наизусть.

...*Восьмая* сатира на «бесстыдну нахальчивость», написанная в 1739 году в Париже, заключает в себе понятие сатирика о скромности. Он говорит о том, как осторожно пишет свои стихи, не ленится их *херить*, прячет надолго в ящик и, собираясь печатать, выправляет.

Стыдливый, боязливый и всегда собою
 Недовольным быть во мне природы рукою
 Втиснено иль отеческим советом из детства.

В параллель себе сатирик противопоставляет людей наглых и бесстыдных.

Кантемир начал было и *девятую* сатиру, но за болезнь не мог ее написать.

Мелкие стихотворения Кантемира любопытны, но не столько, как поэтические произведения, сколько как произведения человека с умом и сердцем. Если хотите, в них есть своя гармония, свой ритм, заметна поэтическая или, лучше сказать, стихотворческая замашка; но поэзии мало. Кантемир писал

песни, басни и эпиграммы. Песни его разделяются на любовные и на нравственные. Первые остались ненапечатанными и, вероятно, погибли для потомства,— что очень жаль, потому что, по словам самого Кантемира, они имели большой успех: по крайней мере, он сам говорит в *четвертой* сатире:

Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки, коих от денницы
До другой невидимо колет любви жало.

А в примечании к этим стихам сказано: «Сатирик сочинил многие песни, которые в России и поныне поются». Кантемир как бы раскаивается в этих песнях, как в грехе своей юности; в той же четвертой сатире он говорит:

Любовные песни писать, я чаю, тех дело,
Кох столько ум не спел, сколько слабо тело.

Вот образчик нравственных песен Кантемира:

Видишь, Никита,* как крылато племя
Ни землю пашет, ни жнет, ниже сеет:
От руки вышней однак в свое время
Пищу довольну, жизнь продлить имеет.
Лилей в поле, как зришь, многоцветной
Ни прядет, ни тчет царь мудрый Сиона;
Однако в славе своей столь приметной
Не имел одежды. Ты голос закона,
В сердцах природа кой от век вложила,
И бог во плоти подтвердил, внушая,
Что честно, благо, пусть того лишь сила
Тобой владеет, злости убегая, и пр.

Из этого отрывка достаточно видно, что преобладающее направление Кантемира было не поэтическое, а дидактическое, и что трудность выражаться на языке не только необработанном, даже нетронутом, много мешала ясности и красоте его слога. Басни Кантемира интересны, как первые опыты в этом роде — не самого автора, а русского языка. Их впрочем, немного — всего шесть. Из девяти эпиграмм выпишем одну для образчика:

На что Друз Лиду берет? — Дряхла уж и седа,
С трудом ножку воробья сгрызет в половеда.
К старине охотник Друз, в том забаву ставит:
Лидой медалей число собранных прибавит.

Наконец, к числу стихотворческих трудов Кантемира принадлежат еще «Десять писем Горациевых», стихами без рифм. с приложением письма о русском стихосложении под вымышленным именем Мекентина (напечатаны в Санкт-Петербурге. 1744 и 1788 г.); «Оды Анакреонтовы» (были ли напечатаны,

* Князь Н. Ю. Трубецкой.

когда и где, или не были напечатаны,— неизвестно). Сверх того, Кантемир предупредил Ломоносова в намерении воспеть в эпической поэме подвиги Петра Великого: поэма Ломоносова называлась «Петриадою», Кантемира — «Петреидою»¹⁴ и, подобно первой, не была кончена.*

Все эти стихотворные, равно как и прозаические труды Кантемира, очень важны как первые опыты, которые должны были и других подвигнуть к литературной деятельности; важны они еще и как первый памятник тяжелой борьбы умного, ученого и даровитого писателя с трудностями языка не только неразработанного, но и нетронутого, подобно полю, которое, кроме диких самородных трав, ничего не произращало. Перо Кантемира было первым плугом, который прошел по этому полю. Скажут: у нас и до Кантемира была словесность. Так, но какая? Теологически-схоластическая или летописная, или, наконец, состоявшая из произведений народной поэзии. Но честь усилия — найти на русском языке выражение для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы — сферы европейской — принадлежит прямее всех Кантемиру. И еще большее и высшее значение имеют его сатиры. Здесь Кантемир является первым писателем, вызванным реформой того Петра Великого, образ и дух которого глубоко впечатлелся еще в юношеской душе будущего сатирика. Таким образом, Кантемир был первым сподвижником Петра на таком поприще, которого Петр не дождался увидеть, но которое, как и все в России, приготовлено им же. О, как бы горячо обнял великий преобразователь России двадцатилетнего стихотворца, если бы дожил до его первой сатиры! Но за Петра это сделал один из птенцов его орлиного гнезда — Феофан Прокопович. Сатиры Кантемира — подражание и большею частию то перевод, то переделка сатир Горация, Буало и частию Ювенала; но тем не менее они — в высшей степени оригинальные произведения: так умел Кантемир применить их к быту и потребностям рус-

* Труды Кантемира в прозе были следующие: 1) «Разговоры о множестве миров», сочинение Фонтенелла, перевод с французского. Санкт-Петербург; три издания (когда вышло первое издание, неизвестно; второе в 1761, третье — в 1802). Оставшиеся в рукописи: 2) «Юстинова история»; 3) «Корнелий Непот»; 4) «Кевита таблица»; 5) «Письма персидские» Монтескье; 6) «Епиктетово нравоучение»; 7) «Итальянские разговоры г. Алгеротти о свете». Все эти переводы интересны, как живой памятник первой борьбы русского языка с европейскими идеями и как факты истории русского языка. Сверх того, осталось в рукописи сочинение Кантемира «Руководство к алгебре» и никогда не были обнаружены его дипломатические из Лондона и Парижа реляции, письма, замечания, вероятно, очень любопытные не в одном литературном отношении. Из напечатанных его сочинений известно еще: «Симфония, или Согласие на боговдохновенную книгу псалмов царя и пророка Давида» (Санкт-Петербург, 1727, второе издание — 1821). Это свод всех стихов псалтыря, по азбучному порядку для удобнейшего присказания текстов.

ского общества! Он не нападает в них на пороки, свойственные созревшим или перзревшим цивилизациям: нет, он нападает на фанатизм невежества, на предрассудки современного ему русского общества. Во второй сатире он осмеивает дворянскую спесь — порок, столько же свойственный русским, сколько и всякому другому народу в Европе; но колорит этого порока, равно как манера нападать на него в его сатире — чисто русские. Короче: подражая Горацию и Буало, Кантемир до того обрусил их в своих сатирах, что аббат Гуаско не усомнился перевести их на французский язык как произведения, которые для французов могли иметь всю прелесть оригинальности. И вот в чем состоит великая заслуга Кантемира не только перед русским языком или русской литературой, но и перед русским обществом его времени. Теперь вопрос: как велико было влияние сатир Кантемира на русское общество, в котором грамотность была мало распространена, а о литературности не было и помина? Сатиры Кантемира изданы гораздо после его смерти (в 1762 году), но с его собственноручного списка, посланного им из Парижа к императрице Елизавете Петровне с посвящением ей. Они снабжены многочисленными подробными примечаниями в выносках, кем писанными — неизвестно, но, кажется, не самим Кантемиром. При каждой сатире в примечании говорится: *издана* в такое-то время; но, кажется, здесь слово *издана* значит не больше, не меньше, как — *написана*, и при жизни Кантемира, кажется, ни одна сатира его не была напечатана. Но тем не менее не подвержено никакому сомнению, что сатиры Кантемира, как и все его стихотворные произведения, пользовались большою известностью в обществе того времени. Сам Кантемир говорит о большом успехе его любовных песен. Рукописные сатиры свои он прислал императрице: значит, они были ей известны и прежде, а если так — значит, на них все смотрели, как на что-то важное. Если их читала императрица, то читал и двор. Сверх того, они нашли себе большую известность и большое одобрение в духовенстве, между которым было тогда много людей ученых и образованных. Феофан Прокопович до того был восхищен первою сатирою Кантемира, что написал к их автору, не зная его, известное послание, которое начинается стихом: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый», и которое дышит неподдельным восторгом. Новоспасский архимандрит Феофил Кролик приветствовал Кантемира тоже посланием в стихах, только на латинском языке. О чем говорят и чем интересуются высшие представители общества по уму, образованности и знатности, — о том, разумеется, говорит и общество. Поэтому очень могло быть, что сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать в списках по всей России, между грамотным народом. Это тем естественнее, что в сатирах

Кантемира почти вовсе нет или есть очень мало реторики, что в них говорится не только о том, что у всех было перед глазами, и говорится не только русским языком, но и русским умом. В жизнеописании Кантемира сказано, что все сатиры его имели большой успех и что «многие его стихи вошли в пословицы». И не мудрено: в сатирах Кантемира попадают стихи до того забавные и наивно остроумные, что невольно остаются в памяти. Таковы, например, эти два стиха в первой сатире:

И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами.

Таковы же стихи, которые приведем мы из разных сатир:

Ябеда и ее друг, дяк или подьячий.

Без всякой украсы
Болтнешь, что не делают чернца одни рясы.

Сегодня один из тех дней свят Николаю,
Для чего весь город пьян от края до края.

Вино должен перевести, кто пьяных не любит.

Пространный стол, что семье поповской съесть трудно
В тридцать блюд, еще ему мнилось ество скудно.

Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и как сего года,
Дела Чигиринского сказуют похода.

*

Последний стих невольно приводит на память стихи Грибоедова:

Сужденья черпают из забытых газет
Времен очаковских и покоренья Крыма.

Кантемир, по своему болезненному сложению, меланхолическому характеру, был склонен к нравственному дидактизму. Немножко суровый моралист (что доказывает его раскаяние в любовных песнях) и весьма остроумный человек, Кантемир любил только избранное общество, следовательно, не любил общества вообще, которое оскорбляло его своими пороками и недостатками; такой характер предполагает раздражительность и любовь к уединению. Все эти обстоятельства необходимо делали Кантемира сатириком. По языку,

неточному, неопределенному, по конструкции, часто запутанной, не говоря уже о страшной устарелости в наше время того и другого, по стихосложению, столь несвойственному русской просодии, сатиры Кантемира нельзя читать без некоторого напряжения, тем более нельзя их читать много и долго. Но, несмотря на то, в них столько оригинальности, столько ума и остроумия, такие яркие и верные картины тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение. По крайней мере, для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина (как, например: «На взятие Измаила», «Целение Саула» и т. п.); от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться... Вообще, для меня Кантемир и Фонвизин, особенно последний, самые интересные писатели первых периодов нашей литературы: они говорят мне не о заоблачных превыспренности по случаю площадных иллюминаций, а о живой действительности, исторически существовавшей, о нравах общества, которое так не похоже на наше общество, но которое было ему родным дедушкой...

Посвящение сатир Кантемира императрице Елизавете Петровне по своему изобретению напоминает оду Державина «По следам Анакреона».

О Кантемире, кроме статьи Жуковского, напечатанной в «Вестнике Европы» 1809 года, почти ничего дельного писано не было. Сочинения и переводы его большею частью остались ненапечатанными, а напечатанные изданы врозь. В 1836 г. кем-то было предпринято издание «Русских классиков», началось с Кантемира, да на нем и остановилось, кажется, на пятой сатире. Издание это было красивое и снабженное биографией Кантемира и необходимыми примечаниями. Жаль только, что примечания не были слово в слово перепечатаны с издания 1762 года: они необходимы, потому что характеризуют дух времени, состояние русского языка и общества того времени.